

Сельский врач

Автор:

Франц Кафка

Сельский врач

Франц Кафка

«Я был в большом затруднении: неотложная поездка мне предстояла; тяжелобольной дожидался меня милях в десяти отсюда в деревне; сильнейший буран засыпал снегом немалое между ним и мною пространство; имелась у меня и повозка, легкая, на больших колесах, для наших сельских дорог то, что нужно; закутавшись в шубу, с саквояжем в руке, я готов был выехать, да все топтался на дворе – не было лошади! Где лошадь? Собственная кобыла моя околела как раз прошлой ночью, не выдержав испытаний ледяной зимы; а служанка бегала по деревне, пытаясь выпросить у кого-нибудь лошадь, да все без толку, и я знал, что толку не будет, и торчал тут как неприкаянный, снег засыпал меня, все больше превращая в оцепенелый ком...»

Франц Кафка

Сельский врач

© Ю. Архипов, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Я был в большом затруднении: неотложная поездка мне предстояла; тяжелобольной дожидался меня милях в десяти отсюда в деревне; сильнейший буран засыпал снегом немалое между ним и мною пространство; имелась у меня и повозка, легкая, на больших колесах, для наших сельских дорог то, что нужно; закутавшись в шубу, с саквояжем в руке, я готов был выехать, да все топтался на дворе – не было лошади! Где лошадь? Собственная кобыла моя околела как раз прошлой ночью, не выдержав испытаний ледяной зимы; а служанка бегала по деревне, пытаясь выпросить у кого-нибудь лошадь, да все без толку, и я знал, что толку не будет, и торчал тут как неприкаянный, снег засыпал меня, все больше превращая в оцепенелый ком. Но вот в воротах показалась девушка с фонарем, одна, разумеется, кто же теперь даст свою лошадь для такой-то поездки? Я еще потоптался по двору; выхода не было; в смутном отчаянии я пнул ногой обветшалую дверь свинарника, давно заброшенного. Дверь открылась и стала раскачиваться, поскрипывая на петлях. Дохнуло теплым запахом – вроде бы лошадиным. Мутный фонарь раскачивался там внутри на натянутом тросе. Высунулся некий голубоглазый человек, скрючившийся в своем чулане. «Что, запрягать?» – спросил он, выбираясь из своего укрывища на четвереньках. Я не нашелся что ответить и только нагнулся пониже, чтобы получше рассмотреть, что еще находится в сарае. Служанка стояла подле меня. «И знать не знаешь иной раз, что у тебя припасено в собственном доме», – сказала она, и мы с ней рассмеялись. «Ну-ка, братец, ну-ка, сестрица!» – прикрикнул конюх, и два мощных скакуна с налитыми боками выдвинулись один за другим наружу; согнувшись в три погибели и прядая ушами, они, раскачивая свои крупы, с трудом протиснулись из дверного проема. И тут же, в клубах пара, распрямились. «Помоги ему», – сказал я, и девушка подала конюху упряжь. Но едва она приблизилась к нему, как конюх, обхватив ее руками, ткнулся своей головой ей в лицо. Вскрикнув, девушка отскочила ко мне. На щеке ее пламенели, отпечатавшись, два ряда зубов. «Ты что, скотина, захотел плетки?» – вскипел я от гнева, но тут же осекся: кто его знает, кто он таков и откуда взялся, кроме того, не поможет ли этот, когда все кругом отказали. Словно угадав мои мысли, он пропустил угрозу мимо ушей, только, занимаясь лошадьми, бросил полуобернувшись: «Садитесь!» И впрямь все уже было готово к отъезду. С такой красивой упряжью, мелькнуло у меня в голове, ездить мне еще не приходилось; так что уселся я в настроении уже приподнятом. Но править буду я сам, говорю, ты ведь не знаешь дороги. Само собой, отвечает, я-то никуда не поеду – останусь тут с Розой. «Нет!» – кричит Роза и бежит, спасаясь от неотвратимой судьбы, в дом; я слышу, как она гремит дверной цепью, слышу, как щелкает замок, вижу, как она гасит свет сначала в прихожей, а потом на бегу во всех комнатах, чтобы спрятаться. Поедешь со мной, говорю я конюху, а не то я и сам никуда не поеду, хотя ехать мне нужно. Я не собираюсь расплачиваться

девушкой с тобой за поездку. «А ну-ка, залетные!» – кричит он и бьет в ладоши; повозка срывается с места, летит, как щепка в горном потоке; я еще слышу, как дверь моего дома трещит и ломается под напором конюха, а после и глаза, и уши мои заняты только бешеной гонкой. Но и это длится лишь миг – и вот я уже перед воротами моего больного, будто он живет у меня под боком; лошади стоят спокойно, буря улеглась, все в лунном свете; из дома выбегают родители больного, за ними его сестра; меня выносят чуть не на руках из повозки, что-то говорят, чего разобрать я не в силах; в комнате больного нечем дышать; позабытая всеми печь дымит; придется распахнуть окно; но сначала надо осмотреть больного. Лихорадки нет, он не холоден и не горяч, лежит с пустыми глазами, приподнимается, без рубашки, на перине, обнимает меня за шею и шепчет мне на ухо: «Доктор, дай мне умереть». Я озираюсь, похоже, никто этого не слышал; родители, склонившись в оцепенении, ждут моего приговора; сестра принесла стул – подставку для моего саквояжа. Открываю его, перебираю свои инструменты; мальчик на кровати ловит мои руки своими руками, чтобы напомнить о своей просьбе; я беру пинцет, прокаливаю его в пламени свечи и снова откладываю. Да, думаю я, богохульник, в таких случаях помогают лишь боги, посылают лошадей, да еще сразу двух, когда их нет вовсе, да еще конюха впридачу. Тут только я опять вспоминаю о Розе: что же делать, как ее спасти, как вытащить из-под этого конюха, когда я в десяти милях от нее, да еще с неуправляемыми лошадьми в повозке? Ох уж эти лошади, теперь-то они поутихли, а окна, как быть с ними, разве открыть их снаружи? Вставить в каждое окно по лошадиной морде и, не обращая внимания на крики родителей, так осматривать больного? Поеду-ка я поскорее назад, думаю я себе, будто лошади меня к тому призывают, но в то же время терпеливо сношу то, что сестра больного снимает с меня шубу, полагая, видимо, что я разомлел от жары. стакан рома мне подносят, старик хлопает меня по плечу; расставаясь с накоплениями, он, верно, думает, что в своем праве. Я трясую головой; быть с ним заодно – значит впасть в дурноту; потому-то я и отказываюсь от рома. Мать стоит у кровати, подзывает меня, я подхожу и прикладываю ухо – под ржание лошади, отраженное потолком, – к груди мальчика, который отпрядывает от моей мокрой бороды. Подтверждается то, что я и так знал: парень здоров, так, легкие спазмы, мать перестаралась, отпаивая его кофе, а вообще-то вполне здоров, и надо бы попросту выпихнуть его из кровати. Но я не усовершенствователь мира сего; так что пусть остается в кровати. Я служу по уезду и исполняю свой долг до конца, через не могу и еще сверх того. Тружусь за копейки, но бедным помогаю самоотверженно. Да еще о Розе надо бы позаботиться, а так малый прав, умереть я и сам не прочь. Что я делаю здесь, посреди зимы, которой не видно конца! Лошади моей как не бывало, и никто не дает мне свою. Этих вот вытащил из свинарника, если б не они,

пришлось бы ехать хоть на свиньях. Так-то вот. И я, кивая, соглашаюсь с родителями. Они ведь об этом ничего не знают, а как узнали бы – не стали бы верить. Рецепты-то выписывать нетрудно, трудно ладить с людьми. Что ж, визит мой окончен, опять меня потревожили зря, я к такому привык: чуть что, весь уезд звонит в мой колокольчик; но что на сей раз мне пришлось пожертвовать еще и Розой, красивой девушкой, живущей уж столько лет, без всякого внимания с моей стороны, в моем доме, – это уж чересчур, тут уж надо мне как-то поднапрячь извилины, чтобы утрясти это дело в своей голове и не наброситься с кулаками на это семейство, которое ведь при всем желании не может вернуть мне Розу. Когда же я закрываю свой чемоданчик и жестом прошу вернуть мне мою шубу, а семейство стоит сгрудившись, отец держит, приняхиваясь, в руке стакан рома, мать, разочаровавшись, очевидно, во мне – да чего они все от меня ожидают? – с заплаканными глазами, кусая губы, а сестра с полотенцем, набухшим от крови, я почти готов признать, учитывая все обстоятельства, что малый, может быть, и впрямь того – болен, что ли. Я подхожу к нему, он улыбается мне навстречу, будто я намерен угостить его крепчайшим бульоном, – ах эти лошади, опять они ржут, словно повинуюсь кому-то свыше, хотят поспособствовать обследованию, – и тут я вижу: да, парень болен. На правом боку, против таза, у него зияет рана величиной с тарелку. Розовая, со множеством оттенков, темная посередине, светлеющая ближе к краям, нежно и неравномерно набухающая кровью, открытая, как наземная шахта. Это если смотреть издалека. А вблизи видишь, что дело обстоит еще хуже. Так что впору присвистнуть от изумления. Черви величиной с мой мизинец, розовые сами по себе, да еще все в крови, извиваются внутри раны. С белыми головками, со множеством ножек, видимых на свету. Бедный мальчик, тебе уже не помочь. Я отыскал твою рану, этот цветок на боку тебя и погубит. Семейство счастливо, они видят, что я не бездействую; сестра говорит об этом матери, мать отцу, отец кому-то из гостей, которые осторожно, на цыпочках, входят, в лунном сиянии, балансируя руками, в открытую дверь. «Ты спасешь меня?» – шепчет, рыдая, юноша, ослепленный видом раны. Таковы у нас люди. Вечно требуют от врача невозможного. Старую-то веру они утратили, священник сидит себе дома, разбирая на части свои богослужебные причиндалы, один за другим, а врач со своими хрупкими инструментами за всех отдувайся. Ну, как знаете, я ведь сюда не напрашивался; хотите использовать меня для своих святых целей – пожалуйста, я готов; что ж мне еще остается, старому сельскому врачу, у которого похитили служанку! И вот они подходят ко мне, все семейство и старики из деревни, и раздевают меня; школьный хор во главе с учителем собрался перед домом и поет на простенькую мелодию слова:

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: <https://tellnovel.com/franc-kafka/sel-skiy-vrach>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)